

СУББОТНИКИ В МУГАНИ

Страницы истории

То, что древние авторы одну и ту же область нынешней Азербайджанской республики называют разными именами, как-то: Агвания, Албания, Аран и даже Шемахия, объясняется, видимо, так: европейские источники называют эту страну Албанией, исходя, главным образом, из похода Помпея, который, завоевав Иверию, через Камбизиану (Ширакская степь) направился далее по левому берегу Куры, встретив первую страну — Албанию. Это наименование европейские источники относят ко всему восточному Закавказью. Армяне, распространяя религиозное влияние через Эчмиадзинский монастырь, для которого ближайшей страной была Агвания, начинают говорить и обо всей стране, как об Агвании.

Арабы, начиная свои походы с Экбатаны — Хамадана, через Ардебиль и Аракса вышли в Мильскую степь, взяв город Байлаган и провинцию Мец-Иран или Мец-Аран, входящую в область Пайтакаран. По названию первой провинции, Мец-Аран, они всю эту область называли Араном. Наконец, русские источники называют эту местность Ширваном.

А среди коренных жителей этой местности священной и легендарной считалась область Могань или Мугань. Родина магов — огнепоклонников, сохранившей до нас таинственные древние курганы — «Башни молчания».

Мугань... Легендарная! Родина огнепоклонников. Колыбель Зороастризма... Азербайджанская земля Мугани... Пристанище кочевников и животноводов, земледельцев и крестьян. Мугань — это часть Азербайджана.

История Азербайджана отличается богатством событий. Уже задолго до начала новой эры на территории Азербайджана существовали высокоразвитые по тем временам государства. С конца первого тысячелетия через Азербайджан проходили сухопутные и водные пути, связывающие Древнюю Русь с восточными странами, великую русскую реку Волгу с бассейном Каспийского моря. Еще в IX и X в.в. «по берегам Каспия русы бывали в Дербенте, у устья Куры («Русский остров»), в «Нефтяной стране» около Баку, в Табаристане и даже в отдаленном углу Каспия — в городе Абезгуне. Каспийским путем русы проникали в крупнейший город Закавказья Бердаа и далее в такие торгово-промышленные центры, как Рей и Тавру». Оживлены были связи Азербайджана и с другими странами. Так, из Берды (Бердаа, Барда) шли караванные пути на Север через Берзендж, Шемаху, Ширван и затем вдоль западного берега Каспийского моря в Дербент и далее на Волгу; на Северо-запад по правому берегу Куры через города Гянджа, Шамкур, Хунан — в Тбилиси. Несколько дорог связывали центры Азербайджана с Арменией. Каспием и сухопутным путем азербайджанские товары отправлялись в Среднюю Азию, Индию, Китай, страны Ближнего Востока и Средиземного моря.

Русский посол в Персии гр. Волынский в своем путевом журнале в 1715—1718 гг. писал о Муганской степи и о Муганском народе следующие: «Разделяет сию Ширванскую провинцию и Гилян Муганская степь, которая начинается от реки Кура и протягивается к морю до городка; имянуемого Лянкерани, верст на полтора, на которой (степи) живут народ кочевой, имянуемый по прозванию персидскому шахи-сеи (шахсевены) т. е. (шахлюбцы). Сие им прозвание от того что оной народ со время умершаго шаха Аббаса великаго пришли добровольно под державу его, а прежде сего были под области» турецкою, которым дана сия степь (прежде бывшая пустая). И хотя мне сказывали, что народ их многолюден и могут собратца военных людей до 30000, однако ж я великаго людства не видал, хотя и не мало кочевья их видел. Управителя у себя имеют хана, которые

присылаются к ним от шаха из знатных персиан, однако ж в прошлом 1717-м году они его не приняли и выбрали из своего народа управителя (которой по персидски называется калентарь); также и в протчем во всем уже учинились указом шаховым противны и многие персидские партии разбили. И тако осталось без всякого страха от персиан, понеже лучшие их владельцы собрались и кочуют между двух рек, Араса и Куры, где персианам достать их невозможно. Обычай имеют подобной нагайскому народу (или калмыкам), также и веры Турецкой, а не персидской. Довольство имеют лошадьми, которые между персидскими не безславны; также и скота много, которым и питаются, а хлеба никакого не сеют».

Еще в 1727 году константинопольский купец, грек Василий Ватаци (Batatzé), уже бывший несколько раз в России, выехал из Константинополя в Москву, оттуда через Астрахань и низовья Яика направился в Хиву и через Персию вернулся обратно в Россию. Его путь проходил через Мазандаран, Талыш, Мугань, Шемаху, Дербент и т. д. Карта посещенных Ватаци мест была издана еще в 1732 году в Лондоне на греческом и латинском, языках. Ватаци на этой карте указал следующие, пункты Муганской степи: Астара, Биласарь, Кизил Агадж Шагриарский, Барджраван, Хасыллы, Белясувар, Микаиллы, Хамашара, а из разрушенных крепостных городов указано, развалины Мугани, Хамашары, Барджилравана, Балхаба, Махмудабада, Варсана, Байлакана, Бахрамкенда и др.

Немецкий ученый Штраленберг в 1730 году издал крупномасштабную карту «Государство Россия». Там он указывает что, Балхаб один из крупнейших городов Прикаспийской низменности, а также Хамашаринские развалины и крепость Барджилраван указаны в его карте как существующие населенные пункты.

Во время похода в Мугань Надир-шах приказал поголовно уничтожать жителей Хамашары, Балхаба, Хасыллы и Барджравана — сильнейших крепостных городов Мугани. Уцелевшие от разгрома жители Барджилравана и

Хамашары частью рассеялись, а частью были переселены в другие районы, Остатки их и ныне встречаются в Фергане, Бухаре, Самарканде, Кашмире (Индия), Герате (Афганистан), Каркуке (Ирак). Так, великий азербайджанский ученый-путешественник Зейн-уль-Абдин Ширвани («Бустон-уль-сийахат») напр: в 1247/1831 гг. (опубликовал в Тегеране в 1313/1897 г. стр. 316), упоминает о наличии этих жителей даже в Кабуле и Пешаваре (Пакистан) куда они, по-видимому, тогда попали.

Здесь будет не лишним коснуться вкратце истории появления в Средней Азии племени Ирони. Историк Бухары Мухаммед Якуб в своем рукописном произведении «Рисалэ» объясняет это следующим образом: «Надир шах (1736—1747 гг.) послал в помощь Рахим-хану в Бухару иранские войска численностью 20000 человек. По окончании военных действий, прибывшие в Бухару «иранцы» узнали, что Надир Шах убит. Часть войска осталось в Бухаре и поселилась в ее окрестностях, часть вернулся в Иран. В войске были как «иранцы» — азербайджанцы и фарсы. До сих пор можно услышать азербайджанскую речь в отдельных кварталах крупных городов Средней Азии.

В биографическом труде «Джахан-Наме» Мухаммед Шаха ибн Тах- веса пишет: «В середине августа 1379 года (987 г. хиджры) Мухаммед Шах ибн Тахмас, да продлит ему жизнь сам всевышний, после перехода Арасбара (моста по Араксу) держал путь в свою столицу Тебриз. Так как было очень жарко, он решил остановиться на несколько дней в развалинах вблизи города Хамашара. Город этот находился между Белясуваром и Муганью. Население были в основном турки, есть и персы. Через речки в небольшом хуторе живут русы, они прибыли сюда из Астрахани, Сарая и Булгара. Торгуют шелками и звериными мехами».

Побывавший в этих краях немецкий путешественник И. Ф. Бларамберг 13

апреля 1836 года в своем дневнике пишет: «Около полудня мы покинули Киэкл-Агадж, поехали на северо-запад через Великую Муганскую степь, покрытую в это время года пышной зеленью. Летом это пустыня, кишашая змеями, которые, как гласит предание, мешали еще продвижению легионеров Помпея. Зимой в степи пасутся большие отары овец, пригоняемые кочевниками с гор Карабаха и Ардебилла. Здесь они остаются до весны.

К вечеру приехали в Гёк-Тепе — лагерь донского казачьего полка, являющийся пограничным кордоном. Здесь нас гостеприимно принял майор Пантелеев. Его дом стоял в живописной долине с журчащими ручьями. В кустарниках раздавались трели соловья. Нам подали жаркое из фазана и другой дичи. После ужина мы долго сидели перед домом, любовались чудесной природой, наслаждались удивительной ночью. Майор Пантелеев, участвовавший в войне с 1812 по 1814 г. рассказал о своих походах. Затем речь зашла об охоте, являвшейся его большой страстью и единственным развлечением в одиночестве. Он рассказывал об охоте на диких кабанов, которых здесь было множество, о тиграх, которые, как он сказал, время от времени приходят из лесов Талыша в Муганскую степь. Он упомянул об охотничьей сцене, свидетелем которой был. Однажды утром, после восхода солнца, он с несколькими казаками поехал охотиться на диких кабанов, но по делам службы завернул сначала к табуну своего полка, который пасся в степи, охраняемый верховыми казаками. Будучи еще далеко от табуна, он услышал дикий крик и увидел, как все лошада вдруг сгрудились в кучу и как казаки бросились преследовать кого-то на полном скаку с взятыми наперевес пиками. Пантелеев пришпорил коня и, приблизившись к табуну, с удивлением увидел, как огромный тигр нес на спине лошадь, которую задрал, и держа одну ногу в пасти, трусил к кустарнику, чтобы перенести свою добычу в безопасное место. С громкими криками казаки преследовали его. Тут на пути хищника попала глубокая, но не очень широкая яма. Так как он не мог с ходу перепрыгнуть ее с добычей, он перебросил ее резким движением головы через яму, перепрыгнул, снова закинул лошадь на спину и исчез в кустах, где казаки не могли его уже достать. «Если бы я, сказал Пантелеев,— не видел эту сцену собственными глазами, то не поверил бы». Тигры, которые водятся в густых лесах Талыша, Гиляна и Мазендарана,— настоящие бенгальские королевские тигры. Они достигают 6—7 футов в длину и $3\frac{1}{3}$ фута в высоту, имеют красивую полосатую шкуру и очень сильны. Подаренная мне тигровая шкура имела от конца морды до начала хвоста 7 английских футов, а вместе с хвостом — $10\frac{1}{4}$ фута.

16 апреля, после полудня, мы распрощались с нашим гостеприимным хозяином, который проводил нас до кургана, названного Стенькой Разиным, и поехали дальше. Это все еще была Муганская степь, изрезанная здесь глубокими оврагами и поросшая кое-где густым кустарником. К вечеру мы прибыли в лагерь кочевников (аул). Для ночлега нам приготовили войлочную кибитку, пол которой был покрыт коврами. Лагерь кочевников выглядел живописно: кибитки были разбросаны по широкой равнине; татаро-персидские женщины и девушки доили перед входом каждой кибитки овец; горело множество костров на которых готовился ужин.

Лагерь и стада охраняли большие степные псы, кидавшие со страшным лаем на чужих, приближавшихся к лагерю, и они могли бы разорвать любого, если бы пастухи не отгоняли их палками и камнями.

На следующий день, рано утром, мы отправились в путь. Наша дорога пролегла по долинам и горам Талыша, вдоль склонов гор, частично поросших кустарником, а также по глубоким лесным оврагам, где пели и щебетали сотни соловьев и другие певчие птицы. Эти чудесные места могли бы дать художнику

богатый материал для эскизов. Затем мы поднялись на горный хребет, поросший густым лесом. На земле гнило множество поваленных бурей или упавших от старости стволов деревьев, частично обвитых растениями-паразитами.

В 10 часов утра мы приехали в Асед-кенди, расположенную на речушке Адинабазар, по которой проходит граница с Персией. Мы уже проделали 25 верст и остановились здесь на несколько часов, чтобы накормить лошадей и переждать сильную жару. Затем поехали дальше, по живописной пересеченной горной местности, вдоль глубоких оврагов. По дороге часто встречались семьи кочевников, перебиравшиеся со своим имуществом и скотом из зимних жилищ (кишлаков) на равнине в горы, чтобы остаться там на жаркое время года. Женщины и девочки обычно ехали верхом на быках, которые везли домашний скраб, кухонную утварь, войлок для кибиток, а также решетки и жерди. Мужчины и мальчики ехали верхом или шли пешком, а за ними следовали многочисленные собаки, охранявшие стадо. Интересно наблюдать, как весной кочевники покидают равнину и поднимаются в горы, а осенью с детьми и скрабом снова спускаются с гор в долины и на равнины. Это зрелище невольно напоминает картины Ветхого Завета, так как обычаи и привычки кочевых народов на Востоке, по существу, остались те же, что и во времена Авраама и Моисея. Как часто мы видели молодых девушек, выходящих вечером и утром из кибиток с кувшинами на плече, чтобы набрать воды в соседнем ручье; кувшины имели такую же форму, как и во времена Моисея. Высокие, стройные, с пылким взглядом, красивыми черными глазами и густыми темными локонами, эти девушки ходят здесь без покрывала. Мы переночевали в живописной деревне Арус, расположенной на краю глубокого ущелья. Сегодняшний переход в 50 верст всех утомил.

Так как всю ночь лил дождь, мы отправились в путь лишь 18 апреля, в 10 часов утра.

Во время своей научной экспедиции на Каспии академик Бэр К. М. в 1853—1857 гг. побывал и в этих краях. Вот что, он писал, побывав на станции Привольное в 1855 году: 6 августа. Рано утром мы узнали, что накануне ночью на станции была взломана конюшня и украдены лошади. Начались розыски. Мне сказали, что у деревни Астраханка находится самый большой курган. Содержатель здешней станции сказал мне, что этот курган примерно сто сажень высотой, а один денщик рассказывал, что на чрезвычайно широкой теменной поверхности кургана могут поместиться три деревни. Поэтому мне очень хотелось посмотреть на это место, и я велел повернуть влево к Астраханке. Деревня населена молоканами, которые по их просьбе, переселены сюда из Крыма и живут здесь уже немногим более десяти лет. Это радушные и приятные люди. Самый курган хотя очень большой для произведения человеческих рук, однако еще далеко не постигал ста сажень. Кроме того, он выглядел не как настоящий курган или могильный холм, а представлял собой своеобразную крепость или укрепленную сторожевую башню. Жители окрестных деревень связывают его создание с именем Стеньки Разина, однако не могут привести для этого никаких доказательств или соображений.

Условия местности, как мне кажется хорошо использованы для постройки искусственно возвышенного укрепления. А именно: здесь есть две речки; они текут вниз некоторое время параллельно, затем одна из них поворачивает под прямым углом и таким образом соединяется с другой. В этом месте прорыт ров, связывающий оба русла еще выше: таким образом искусственно создан почти четырехугольный возвышенный остров. Обе речки весной и первой половине лета содержат довольно много воды, которая по объединенному руслу течет до самого моря. Теперь от одной из этих речек оставалась лишь маленькая

извилистая полоска воды, а от другой — своеобразный пруд с двух сторон окружающий крепость. Полоса земли между обеими речками сама по себе лишь немного выше, чем окружающая местность, и, как мне показалось, возвышается над теперешним уровнем воды в реке на 10—12 сажен. Высота крепости, однако, вдвое больше, так что ее высшая точка поднимается примерно на тридцать пять сажен над уровнем воды. Это величественная постройка в форме неправильного четырехугольника, одна сторона которого обращена почти точно на север. На этой стороне есть вежка, к которой ведет искусственно проложенная постепенно поднимающаяся дорога. Несколько лет тому назад, когда здесь были учреждены казацкие посты, эта дорога была улучшена, но она явно существовала уже во время сооружения крепости. Верхняя плоскость неровная, в середине углубление, так что края ее образуют не совсем правильной формы бруствер высотой более человеческого роста. Склоны крепости крутые, 45 ° с северо-западной стороны. Основание северного склона около двадцати шагов, западный и южный кажутся немного длинее. Мы нашли здесь *Plumbago* и *lagonychium* (свинчатка и мимозка), в воде несколько низших ракообразных, мельчайшие зеленые водоросли, в речном русле — *Anodonta*. Отсюда мы поехали обратно по той же дороге в Новогольское. За этим селением видели еще отдельный бугор и продолговатую возвышенность, которую мы были склонны принять за удлиненные — так по крайней мере она выглядела издали. Еще прежде чем мы достигли ближайшей станции, почва приобрела отчетливо солончаковый характер. Все больше солончаковых растений. Между первым и вторым казацкими постами за Новогольским ясно видно речное русло, проходящее в виде дуги в общем NO на WSW. Некогда, говорят, здесь был проведен от Аракса канал непосредственно в море. Между тем русло кажется скорее похожим на русло реки. Мне сказали, что в 1843 году в этой речке, или канале, еще протекала вода. Позднее, как я узнал у содержателя почты в Пришибинской, здесь очень долго сохранилась стоячая вода, и это место называют озером, хотя, за исключением ранней весны, здесь совсем не видно воды. Приток из Аракса прекратился. Еще теперь в этом речном русле глубина около сажени. Некоторое время нам был виден самый восточный рукав Акуши-Армянка.

Мугань... древнейшая и легендарная. Полигон смерти и горя. О ней написано много. Все кто побывал в Мугани, до конца жизни запомнил гордую бесконечную степь. Да, конечно, невозможно взять с собой эту степь. Может быть, поэтому иной завоеватель разрушал города и села, уничтожал их жителей, которые создали эти сказочные города, чтоб не достались никому. Только один человек, из этих «зверских посещений» смог оставить о себе память. Это Хромой Тимур-Тимурленг, как его называли всюду. Он в Мугани построил первую и единственную арку-канал, которую разрушил жестокий шах Надир, чтобы погубить Мугань. Но Мугань не погибла. В Мугани поселились вольные казаки из Ставропольской губернии в начале XIX века, русские-крестьяне, которые любили землю. За ними вслед появляются и другие пришельцы — молокане, духоборы и другие сектанты, высланные в эти края за их противоцерковную деятельность. Но, здесь, в Мугани они нашли общий язык и с «дикой Муганью» и ее первыми обитателями — азербайджанскими крестьянами или, как их называли в то время «хамшари» или «персидские хамшары», иногда даже просто «персами». Сперва они работали в артелях отдельно, а потом объединились. Их объединила честный крестьянский труд, любовь к земле, любовь к Мугани.

В южной части Мугани — между реками Балхару и Гек-Тапа-чай имеется несколько больших сектантских, по преимуществу молоканских сел, расположенных на мелких речках этой части Мугани, именно: Новоголка, Астраханка, Новая Андреевка, Николаевка, Григорьевка, Привольное, Покровка,

Свиридовка, Петровка, Субботники, Михайловка, Пришиб и др.

Молокане переселены туда по распоряжению правительства из внутренних губерний: Путь изгнанников был долог, крайне тяжел и полон лишений. «Мы шли сюда,— рассказывает старожил из селения Астраханка —, кто год, кто два, а кто и три. Не знали, куда идем, что нас ожидает, шли семьями, с малыми детьми, да с большими. И холод, и голод, и побои перетерпели, шли как на верную смерть. Пока передвигались через русские земли, ничего, еще можно было терпеть. Хотя и встречали нас православные, как людей чужих, отщепенцев, а все таки, кое-как кормили: работаешь, бывало целый день, как вол, а вечером и есть дадут. А как дошли до Каспия, то хоть ложись и помирай: кругом татары, хлеба не найдешь. Вот тогда-то до самого места, где наши села теперь, понатерпелись всего. Не дай бог в другой раз. А здешние люди хамашарцы тоже много горевали от рук татар и монголов, поэтому они с нами живут добро. Очень хорошие люди. Свою землю любят и нам сразу выделили местечко через реку напротив разрушенной крепости. Вот прошло уже несколько десятилетий мы живем с ними дружно и мирно, ходим их базары в Хасыллы, в Гала, в Талыш и работаем в поле совместно».

В селение Астраханка есть несколько стариков, которые рассказывают то, что, слышали от предков своих, о том что, когда из Астрахани в 1843 году перевезли 10 домов молокан в Крепость Бурную, с целью отправить затем в Дербент и далее, то на лагерь напали лезгины, отняли у них имущество и убили одну девушку 17 лет. Спас их тогда генерал Фрейтаг. Очевидно, дело идет об известной семидневной осаде горцами с 13 по 19 ноября 1843 года укрепления Низового на берегу Каспийского моря при селение Тарку.

В первой половине XIX века, в связи с присоединением Азербайджана к России, рынок сбыта расширяется, поэтому торговые операции начинают производиться не только на старых лоновых дворах, но и во всех более или менее значительных городах Азербайджана, в основном в Муганской степи.

Главные торговые пути в этот период пролегали по побережью Каспийского моря, где расположены наиболее удобные для подхода морских судов порты: Астара, Ленкорань, Кизиль-Агадж, Усть-Куринск,

Важное значение имели сухопутные дороги: почтовая — от Аджикабула до Ленкорани и продолжение ее — караванная дорога в Иран. Она пересекала «угол обширной Муганской степи, которая, судя по некоторым остаткам старины, когда-то знала лучшую культуру», (см. С. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис 1890 г., стр. 17).

Еще в 1840 году русские переселенцы из Таврической губернии завезли в Азербайджан мериносовых овец, поголовье которых, в последующие десятилетия увеличилось. При этом развивавшееся кочевое животноводство, хотя и очень медленно, превращалось в полукочевое и стойловое. В связи с указанными мероприятиями в Мугани развивались торговая и некоторые виды промышленности ремесла. Появились новые селения русских-сектантов.

На берегу реки Гек-Тапа образовались три селения — Пришиб, Православное и Привольное, в которых обосновались субботники.

ПРИШИБ — село молоканское, находится на левом берегу реки Гек-Тапа. В ней 183 дворов и 900 жителей (в 1879 г.). Около 300 душ татары (т. е. азербайджанцы). Пришиб, довольно чисто выстроен, имеет прямые просторные улицы, много хороших домов в европейском вкусе и даже есть мостовая; есть русские лавки, много армянских и множество татарских, есть благородное собрание, аптека и кондитерская, почтовая станция, предметы редчайшие в здешнем крае, но за то ни одного трактира, ни одного постоянного двора, исключая татарских дуканов, впрочем, к утешению русского человека на базаре продают

русский хлеб; квас, разные булки и крендели. Производители этого русские переселенцы, в основном молокане и субботники, которые из-за своих ложных понятий о вероисповедании, променяли родину на Муганскую степь. Некоторые из них обзавелись и живут недурно, но почти без исключения тоскуют по родине, их даже подчас не утешает и то, что здесь они совершенно свободны в своем вероисповедании и отправлении богослужения.

Напротив Пришиба на правом берегу Гек-Тапы расположено русское селение ПРАВОСЛАВНОЕ, поселенное в 1864 г. Там имеется единственная в Мугани православная церковь, заложенная 30 апреля 1868 года И. И. Высочеств. Вел. Кн. Наместника Кавказского и Вел. Княг. Ольгой Федоровной. При церкви была приходская школа из 2-х классов. В селе проживает всего 351 человек русских-православных и почти столько же персидских татар, переселенных сюда из урочища Гек-Тапы, где сейчас размещен штаб-квартира 33-го гвардейского полка. В селе Православное имеется резиденция Себидашского полицейского пристава, аптека, гостиница на 10 номеров; мировой суд и многочисленные лавки, больница на 12 коек, детский приют, татарские баня и мечеть. Открыто начальное двухклассное русско-татарское училище. Село страдает от землетрясений.

Следующее русское селение на берегу реки Гек-Тапы — ПРИВОЛЬНОЕ Основатели Привольного — выходцы из Кизляра Терской области, позднее здесь был сильный прилив поселенцев из Прасковей Ставропольской губернии, из Балашевского уезда Саратовской губернии, Пришиба и Балаклея Астраханской губернии, Мазона и Дубровки Саратовской губернии и деревни Юдиной Енисейской губернии, который способствовал окончательному заселению описываемой местности. По свидетельству старожилов, село появилось в 1838 году.

Название свое село, очевидно, получило от слова «приволье»: первые поселенцы осели на совершенно свободных местах; вокруг растилась обширные девственные поля, такие же леса, громадные площади кустарников; все это произвело на выходцев коренной России, где и тогда уже чувствовалась мало-земелье, впечатление простора, приволья.

В самом селе и его окрестностях, по обе стороны реки, рассеяно много курганов: большие — в одиночку, а меньшие — группами. Село протянулось по берегу реки на протяжении двух верст. В нем три улицы с переулками. Улицы Балаклея, Балашовская, Черкесская и переулок Мазонский. По обеим сторонам они обсажены шелковичными деревьями. Большая часть построек деревянные, но есть и кирпичные, крытые черепицей, камышом и осокой. Общепринятый план дома таков, к улице обращена чистая половина, состоящая из одной комнаты и пяти окон: три на улицу выходит и два во двор, к ней непосредственно примыкают сени, а возле них чулан: позади сеней другое помещение, где обыкновенно живет семья. Внутреннее убранство домов очень просто и скромно: в переднем углу обеденный стол, часто покрытый скатертью, вдоль стены длинная скамья. Стулья, табуреты можно встретить только у состоятельных сельчан. Место для ночлега служат большей частью нары, устраиваемые у одной из стен, ближе к печи.

Главное занятие привольненцев — хлебопашство и скотоводство. На хлебопашство они до последнего времени смотрели, даже как на единственный и самый надежный источник своего благосостояния. Косарей или жнецов нанимают также из рабочих, из «хамшар».

Скотоводством, в обширных размерах, занимаются лишь несколько зажиточных домохозяев, владельцы отдельных хуторов; у некоторых из них имеется от 70 до 100 голов рогатого скота и до 300—500 овец. Свиной

категорически запрещено держать и есть его мясо. Из домашних птиц в основном держат гусей, индеек, цесарек, кур и очень редко уток (только белого цвета). Домашние птицы в каждом доме примерно доходит до 350—400 единиц.

Субботники во многом представляют противоположность с герами. Они очень консервативны и умственно малоподвижны; вследствие отсутствия инициативы, всегда идут с жожаками; из занятий предпочитают скотоводство и земледелие. Курение табака возведено у них в степень греха, и потому встречается лишь как исключение, среди опустившихся людей, субботников-отступников: порядочный субботник никогда не доведёт себя до того, чтобы его сторонились из-за табака. Вообще в образе жизни субботников замечается много черт, общих с молоканами.

Молокане занимаются исключительно хлебопашеством. Они прекрасные хлебопашцы и неутомимы во время полевых работ, но неохотно идут работать за плату на чужую полосу: редко можно встретить батрака-односельчанина среди семей молоканских.

Женщина-молоканка также исполняет все домашние работы, как и всякая крестьянка, многие побывав до замужества в Ленкорани и Баку, в качестве домашней прислуги, всегда оказывается хорошими женами и матерями.

Молокане, при своих хозяйственных расчетах и распределении земли, обыкновенно делят ее на *круги* т. е. участки в 100X100 кв. саж. подразделяемые в свою очередь каждый на четыре так называемых молоканских десятины. Стало быть молоканские десятины — 2500 кв. саж. т. е. 100 кв. саж. больше обыкновенно принятой десятины.

Среди молокан имеются хозяева, засевающие по 100 кругов ежегодно. Конечно, такого хозяйства без батраков и «персидских хамшары» вести невозможно.

Молотьба ведется азиатская: либо волочением доски с кремнями, либо каменным катком с продольными ребрами, либо просто топтанием и перегонном лошадей и перегонном лошадей по разостланному на току хлебу.

Уборка хлеба с полей производится исключительно косьбой. В здешней части Мугони, как сказано, поля не требуют орошения.

Есть в селе Привольном и местная промышленность: 11-и черепичных заводов, маслобойки и 4 водяных мельницы.

Водяные мельницы строятся на 4 постава: один постав с французским камнем — для помола хорошей белой муки; остальные 3 с жерновами из местных и карабахских камней — для перемола ячменя и приготовления муки для мусульман.

На местных маслобойнях бьют масло из семян льна, подсолнечника, кунжута, татарника, горчицы и др. Приготовление масла на маслобойнях обусловлено следующим образом: рабочую силу доставляет хозяин семени, а дрова владелец маслобойки, он же регулирует огонь под котлом, следит за выпариванием и заделывает жмыхи.

Между привольнинцами встречаются следующие ремесленники:

Кузнецы — изготавливающие все нужные в крестьянском обиходе предметы даже железные ходы для фургонов, наподобие немецких, а для жителей соседнего села — рала.

Сапожники — изготавливающие сапоги, полусапожки, ботинки, башмаки и пр. — но все это из привозного материала.

Пильщики — занимающиеся специально распилкой леса; работают по окрестным селам и деревням, заработная плата начисляется с каждого распиленного метра.

Колесники — сбывают свои изделия, главным образом, по населенным

пунктам Мугани где проживают азербайджанцы и талыши. Лес для колес получают из Ленкоранского лесничества.

Бочары — местные бочары имеют хороший заработок и с июня по сентябрь бывают завалены работой, так как бочки нужны сначала для доставки воды жнецам, а потом, в августе, перед сбором винограда, под вино.

Плотники — ремесло плотничье за последнее время стало падать, вследствие вздораживания леса. Здания строят теперь больше из кирпича и камыша.

Кроме перечисленных ремесленников, есть еще: столяры, печники, переплетчики, кровельщики и др. В период сельских работ число местных ремесленников увеличивается еще приезжими на летнее время: кузнецами-армянами из Карабаха, лудильщиками-лезгинами из Лахича и др.

Занятия привольнинцев в продолжение года распределяются в таком порядке: с конца января и по март идет подрезка виноградных садов, март — ставят «таркалы» (жерди для подвязывания виноградных лоз), подвязывают и окапывают виноградники и фруктовые деревья; апрель — пашут и засевают бахчи и яровое; май — косят и убирают сено, пропалывают бахчи, в конце мая иногда приступают к жатве ячменя; июнь — начало жатвы и возка снопов ячменя, выборка льна, жатва пшеницы, уборка яровых и молотба; июль — молотба, мочка льна, сушка фруктов, август — окончательная уборка хлебов с гумен, сбор винограда, возка дров; сентябрь, первая половина — сбор бахчей, вторая — пахота; октябрь и ноябрь — пахота.

В Привольном имеется четыре синагоги, их называют то школами, то молитвенными домами, то просто молельнями. Многие жители(94%) умеют читать по-древнееврейски. Внешний облик привольненцев напоминает правоверного еврея. Они не бреют бороды. Чистота в избах и опрятность поразительные, особенно поражают своим отменно чистым содержанием деревянные некрашенные полы. Сначала привольненцы выписывали себе раввинов из настоящих евреев, а ныне, чтобы еще более приблизиться к иудаизму, многие из них женятся на еврейках.

В 1873 году в селе Привольное Министерство Народного Просвещения открыло сельскую школу. В 1855 году она была преобразована в земское нормальное училище. При училище были две библиотеки, фундаментальная и ученическая, в которых содержалось свыше 10 000 томов книг 500 названий. Кроме того, училище в достаточном количестве было снабжено учебными пособиями, географическими и историческими картами и пр. и имело полный набор переплетных инструментов, необходимых для ознакомления учащихся с этим ремеслом. В библиотеке училище работали и вели научные исследования по этнографии, истории и географии края ученые из Российской Академии наук Санкт-Петербургского и Казанского университетов. До 1889 года училище размещалось в маленьком одноэтажном доме. В 1889 году, благодаря энергии тогдашнего учителя и

директора Д. И. Иванова, общество построило для школы особое здание. И учились здесь в основном мальчики. Лишь в 1895 году сельская община взяла на себя содержание женского отделения. Занятия по мирскому приговору, начинались 15 октября, заканчивались 15 декабря. Во втором полугодии длились тоже всего два месяца.

Привольнинцы мало расположены к просвещению. Их частные школы, обыкновенно, заводимые малограмотными женщинами, не идут дальше изучения псалтири или библии; тем не менее эти школы предпочитают земскому училищу, и это потому, что якобы в училище преподают «греховную науку» или, по меньшей мере, бесполезную, ведущую к свободомыслию; распространителями подобных взглядов на школу являются, конечно, люди наиболее закоренелые в

своем сектантском фанатизме. «Геры» считают обязательным для себя лишь обучение чтению, но — непременно на древне-еврейском языке, на котором читаются их ежедневные молитвы. Ровнодушие к просвещению, в связи с недоверием к земской школе, не может, конечно, не отражаться весьма вредно на успешности обучения в училище.

Обучение в религиозных классах и в синагоге своеобразно. По своему наружному виду синагоги ничем не выделяются от жилых домов сектантов, только немного превосходят последние. Внутреннее же убранство их состоит из нескольких столов, поставленных рядом у южной стены и накрытых скатертями; далее расставлены рядами скамьи. В одном из углов стоит шкаф с книгами, необходимыми при богослужении и др.; так вы здесь найдете несколько томов библии на церковнославянском языке, псалтири изданные «Российским Библейским обществом» в 20-х годах XIX века, отдельные издания книг пророческих, Иисуса Сирахова, Иудейскую историю И. Флавия и т. п.; в этом же шкафу хранится облачение «переднего», состоящее из белого коленкорového савана, с вышитыми золотом еврейскими буквами и четырьмя кистями по краям из белых и синих ниток. Это облачение «передний» надевает только во время моления; в случае же отсутствия «переднего», оно ни в каком случае не может быть возложено на лицо его замещающее, и иметь подобные облачения никому не дозволяется.

У стен синагоги висит несколько керосиновых ламп с рефлекторами; кроме того, в оконных амбразурах ставится еще несколько подсвечников со стеариновыми свечами; на окнах — занавески и пестрые «рушники» (полотенца). На южной стене в деревянных рамках висят основы Моисеева закона («десять заповедей») и «молитва о благоденствии Царя» — все это писано от руки четкими печатными литерами, с цветными виньетками. «Молитва» полностью извлечена из караимского молитвенника. На правом дверном косяке синагоги помещается небольшой деревянный ларец — «мезызэ», со стеклом, сквозь которое видна еврейская буква, если ларец жестяной, то буква вытеснена рельефом. (Инициал евр. слова «Шаддай», что значит Всемогущий). В ларец закладывается кусочек пергамента, на котором написаны следующие тексты из св. Писания: Второзаконие, гл. IV, ст. 4 и 9; гл. XI ст. 13 и 21. Такие же ящики можно видеть и в частных домах субботников.

Субботнее моление в синагоге начинается довольно рано; прежде всех является «габа», исполняющий обязанности сторожа и казначея молельни, он prepares все нужное для богослужения. Мало-помалу начинают собираться молящиеся. Каждый, входя, прикладывает пальцы к «мезызэ», а потом к своим губам (это обряд целования закона в знак любви); перейдя же порог, останавливается, произносит шопотом молитву (псал. 5, ст. 8 — 13) и, поклонившись, идет садиться на скамью: старики — ближе к столам, а молодежь — к дверям. Являются певцы: кто-нибудь произносит стих из псалтири или библии, а певцы этот стих поют. Поят и мужчины и женщины, но запевалой обязательно должен быть мужчина.

Входит «передний», облачается в свое одеяние и, дождавшись окончания пения, встает со словами: «восстаните, благословите Господа» и т. д. Все поднимаются со своих мест и молятся уже стоя, при чем несколько раз падают ниц и «воздевают руки горе». Молитва состоит из разнообразных мест св. Писания и варьируется, согласно желаниям «переднего».

У многих молящихся имеются в руках молитвенники, писанные местными искусниками гражданским печатным шрифтом, с цветными виньетками. Окончившие молитву, все садятся на скамьи. «Габа» вызывает кого-нибудь к столу для чтения отрывка из Пятикнижия. Прочитавши что нужно, тот уходит на свое

место, а «старики», и раньше несколько раз прерывавшие чтение, принимаются пояснять прочитанное, и надо сознаться, что пояснения эти бывают весьма туманны, невразумительны и совершенно произвольны. Когда старики замолкают, певцы снова начинают пение, на этот раз непродолжительное. По окончании пения, «передний» встает и произносит ту же пригласительную формулу, после чего начинается монотонная молитва. Это второе моление, кроме земных поклонов и воздевания рук, отличается еще тем, что в середине его поют несколько и прочитывают внятно и отдельно 10 заповедей. По окончании моления, произносят «молитву о благоденствии Царя» и псалмы 18 и 20, после чего все кланяются несколько раз поясным поклоном и расходятся по домам, предварительно посплюнув пальцы и приложив их к «мезызэ» — сначала из своего отделения выходят женщины, потом мужчины. «Габа» запирает двери и окна.

Таков порядок молений в синагоге в обычные дни, по субботам; по праздникам же моление отличается большей продолжительностью, а в посты — еще и заунывностью. Во время произнесения второй праздничной молитвы усердные кладут в кассу синагоги несколько медных монет; деньги эти употребляются на ремонт синагога, на пополнение ее библиотеки и на вспомоществование бедным «кагала». В праздник «очищения» вся синагога устилается циновками, а молельщики и молельщицы являются во всем белом, предварительно оставив обувь на балконе. Моление субботников происходит при торжественной тишине; кто-то, разве, тихо выйдет откашляться или высморкаться. Все сидят и стоят обязательно в шапках. Иметь в синагоге картины, рисунки, статуи и т. п. строгойше воспрещается.

Во время посещения в синагоги одевают специальные платья, в одежде которую носят повседневно, ходить в моление не допускается.

Семейный уклад привольнинцев

Рабочий костюм привольнинца состоит из холщевой или ситцевой рубахи, подпоясанной ремнем, холстинных, «односинковых» или «тяжинных» портов, и башмаков на босу ногу. Зимой соответствующие части костюма заменяются бумазейной рубахой, суконными шароварами, высокими сапогами, халатами грубого сукна или бекешами; шея обматывается шарфом или башлыком.

Для праздничной одежды употребляются более дорогие материалы: суконное трико, твидь, драп, сукно и пр. Головной убор мужчин, и летом и зимой, — суконный черный картуз; некоторые носят меховые и барашковые шапки разных фасонов.

Женщины носят юбки, запоны (передники — их не снимают даже и в праздник), кофты, а зимой — шубки и пальто на вате, крытые бархатом или кубовым ситцем. Обыкновенный головной убор женщин: летом — бумажный или шелковый (в праздник) платок или шерстяная шаль (малого размера); зимой — большие пуховые или байковые шали. Праздничная одежда женщин делается из более ценных материалов; кашемира, бархата, атласа и т. п.

Вообще, привольнинские женщины очень заботятся о своей внешности: наряды свои украшают вышивками, кружевами и др. отделками; носят ожерелья, янтарные и стеклянные, серьги и т. п. Для предохранения лица от загара и обветривания мажут особым составом: из сала, сулемы, селитры, иногда с прибавлением яичного белка и сливок; средство это называется «деланным салом». Для восстановления белизны лица служит так называемый «деланный мед», куда входит, кроме меда, сулема и селитра. В качестве румян употребляют корень перекати-поля, собираемый весной, когда растение еще молодо, и сурик.

Моды усваиваются привольнинскими женщинами всегда ранее, чем в

окрестных селениях. Новшества же в мужской одежде позволяют себе одни лишь молодые парни, тогда как старики очень неохотно изменяют обычаям старины.

Власть мужа над женой достаточно велика в привольнинских семьях: за нанесенные побои жене, по их понятиям, муж не отвечает. Муж, принятый в семью жены, располагает меньшей властью: в чужой семье он поступает под начало тестя и тещи, в лице которых жена имеет всегда ревнивых и бдительных заступников; а по смерти родителей, на ее стороне оказывается и материальная сила: в семью принимают зятьев люди состоятельные и не имеющие сыновей, а потому значительная часть имения тестя переходит к дочери, выданной за принятого зятя. Женщина в привольнинской семье является, прежде всего, работницей: все домашнее хозяйство, работы в городе всецело лежат на ней, так же как и уборка плодов в садах, прядение и тканье нужного в хозяйстве полотна, шитье белья и одежды как лично для себя, так и для всей семьи. Кроме того, женщины принимают деятельное участие в полевых работах: сгребание сена, выборка и мочка льна — почти исключительно их занятия; совместно же с мужчинами, они молотят хлеб и выделывают кирпичи.

Верностью жены привольнинец очень дорожит: муж ревниво относится ко всякому сомнительному случаю, и достаточно намек, чтобы возбудить в нем подозрение и подвергнуть женщину неприятному недоверию и надзору. Сожительство вне брака и проституция здесь категорически запрещены. Дети, прижитые вне брака, влачат жизнь, полную презрения и обидной отчужденности: на общественных сходах они лишены права голоса, им нет места на семейных торжествах и т. п. Часто с жалобами на супружескую неверность (подозрение — автор) оскорбленная сторона обращается к суду почетных стариков религиозной общины (кагала). Старики присуждают уличенных к следующим наказаниям: 1) Выговор при всем кагале; 2) Понижение с занимаемого места в молитвенном доме; 3) Отлучение от молитвенного дома на определенный срок.

Предельным возрастом привольнinceв можно считать 80 лет, более глубокой старости достигают весьма немногие женского пола (всего старух в селе можно насчитать около 320 чел.)

С равными себе привольнинец криклив и задорен, особенно там, где дело касается его личных выгод; перед сильным же — застенчив и безгласен; но удивительно уживчив и покладист с людьми других национальностей. Находясь в постоянных сношениях с азербайджанцами, привольнинцы превосходно усвоили их язык, к которому прибегают даже в разговорах между собою.

Население Привольного принадлежит к двум религиозным сектам: субботникам и герам.

Разница же между ними заключается в том, что субботники считают себя последователями учения евреев-караимов, а геры — евреев-талмудистов (раввинисты тоже).

Как на главную черту сходства между субботниками и евреями-караимами указывают то, что и те другие не признают никаких авторитетов в религиозном отношении. Геры же, напротив, как и евреи-талмудисты, принимают в одинаковой степени святости как Библию, так и все дополнения и разъяснения талмуда, вплоть до самых новейших; все предписания исполняют со всевозможной точностью, как например; правила о «трефе», возжигание свечей по праздникам и субботам, надбавка праздничных дней (пасха — 8 дней, шовуот — пятидесятница — 2 дня, рош-шоно-новый год — 2 дня, куци — 9 дней и проч.)

Принадлежность к той или другой секте отражается на характере и образе жизни их последователей. Так например, геры более подвижного характера; занятие торговлей предпочитают всякой другой деятельности; в делах рели-

гиозных действуют с замечательным единодушием и весьма склонны к пропаганде своего вероучения; на людей других исповеданий могут смотреть с нескрываемым презрением, позволяя себе подчас насмешки и издевательства.

В разговоре, в особенности при совершении религиозных обрядов, геры стараются употреблять еврейские слова, да и самые обряды называют по-древнееврейски, разумеется, до неузнаваемости искажая слова, например: обряд обрезания называют — «брись», поминки по умершему — «юрцынь», молитву об успокоении души умершего — «кадишь», возгласение здравицы — «лихаим», ответ — «шулим», опресноки — «маца», нож для резания скота и птиц — «халаф»; названия праздников, кроме приведенных выше: «песах» — пасха, «сиккоись» — куци; «юнkipирь» — день прощения и т. д.

Есть у геров особенности и в самой внешности: так все они, не исключая и женщин, низко стригут волосы; щегольство между ними развито в большей степени.

Из праздников ими наиболее чтимы следующие:

1. Суббота. Каждая суббота, в продолжение года, празднуется при безусловном воздержании от всякой деятельности, в полном покое. Уже в пятницу, с половины дня или немного позднее, субботники прекращают все работы, ходят в баню, (а в теплую погоду купаются в реке); после захода солнца, стекаются в синагогу и молятся до поздних сумерек. В субботу, утром снова молятся в синагоге до 9—10 часов, при чем читают торжественные молитвы из библии и псалтыри, молитву о благоденствии Царя и Царствующего Дома и отделе из Пятикнижия, — все это сопровождается заунывным пением псалмов. Возвратившись из синагоги садятся за обед, по окончании которого, молодежь идет на игрища, а старики или ложатся спать или, собравшись группами, ведут тихие беседы, зачастую о вопросах религиозных. Перед наступлением вечера все еще раз молятся в синагоге.

2. Пурим — Мардохеевы дни — бывает в конце февраля или в марте и длится два дня. За день до праздника постятся, совсем не вкушая пищи, — это «пост Эсфири». Утром, в день праздника, собираются в синагогу, где, после обычных молений, читают книгу Эсфири. Накануне праздника и в самый праздник молодежь стреляет из ружей в воздух или в чучело, вспоминая этим казнь Амана; кого-нибудь рядят в шутовской колпак с погремушками, сажают на осла и водят по улицам, в сопровождении массы ребятишек. Вообще «пурим», как первый весенний праздник, проводится шумно и весело: устраиваются маскарады, ряженье и т. п.

3. Пасха — или праздник опресноков. В дни «Пасхи», продолжающейся семь дней, едят пресный хлеб. Ничего кислого и квашеного в этот праздник не разрешается; имеющуюся же в доме закваску на все время праздника уничтожают или закапывают в землю. Пресный хлеб, в форме лепешек, готовится из муки с примесью молока (или воды), яиц и льняного масла. Раскатывают и пекут лепешки, обыкновенно, женщины, а тесто месить мужчины; при этом никаких обязательных правил не соблюдается; принимают только все предосторожности, чтобы в тесто не попала частица чего-нибудь кислого или квашеного. Для того, чтобы лепешки в печи не вздувались от действия жара, по ним прокатывают зубчатое колесцо, которое оставляет на месте след, в виде сквозных дырочек. Посуду медную лудят за несколько дней до праздника, глиняную — чистят песком, а деревянную — вымачивают в воде или скребуть ножом и стеклом. Житие дома вновь оштукатуриваются; двери, полы, окна, мебель — моется и тщательно очищается от грязи; платье и бели моется на речке, — словом, к празднику вся обстановка принимает обновленный вид. Накануне первого дня праздника опресноков все (мужчины, и женщины, и дети)

присутствуют на домашней молитве, (*Раньше до закрытия синагоги, в ней отправлялось в этот день общественное богослужение, на котором обязательно все присутствовали*), после которой, приступают к ужину, состоящему из пресного хлеба и разных пряностей, каковы: хрен, горчица, перец и т.п. Во время ужина главы семейств объясняют присутствующим символическое значение праздника. Первый и седьмой дни пасхи считаются святыми, и в эти дни безусловно воспрещается всякая работа; промежуточные же — полупраздники, и в эти дни разрешается занятие маловажными делами. Пасха субботников всегда несколько предшествует христианскому празднику.

6. Пятидесятница,—«трубный день», 50-й от воскресенья пасхальной недели — установлена в память Синайского законодательства. После обычных молений, день этот проводят в полном покое, так как всякая работа воспрещена, кроме приготовления необходимой пищи.

7. Через 21 день после предыдущего — пост в память сожжения йерусалимского храма римлянами (в 70-м г. по Р. Х.) Этот день все проводят без пищи, посещают кладбища, на общественном молении читается «плач Иеремии», при чем присутствующие плачут.

8. Новый год. В августе или сентябре празднуется первый день еврейского нового года (гражданского). В этот день работа воспрещается.

9. День прощения (10-й день после нового года). Еще до Захода солнца предыдущего дня оставляют все работы, идут в баню или купаются в реке, и ужинают (также до захода солнца), а в течение самого дня соблюдают строжайший пост, воздерживаясь от пищи, питья и всяких удовольствий. Накануне все идут в синагогу, молятся очень долго, некоторые-же проводят на молитве всю ночь. Утром молитва возобновляется и продолжается до половины дня и дольше; потом опять собираются читают из библии и псалтири, поют и молятся; так продолжается до позднего вечера. В молитвах просят Бога об отпущении грехов; с ближними стараются примириться еще до наступления этого дня прощая и испрашивая прощение. Молитвы, читаемые в этот день, проникнуты скорбью, многие из присутствующих, особенно женщины, плачут; несколько раз в продолжение молитвы все подают ниц, произнося при этом особенно трогательные слова.

10. Куши — праздник, празднуется в течении 8-и дней. Его празднуют в сентябре, на пятнадцатый день после нового года. Это самый веселый и шумный праздник, так как к этому времени поспевают вино и никаких религиозных ограничений и стеснений в эти дни не налагается; пьянство же идет повальное. Отличительной чертой этого праздника является устройство во дворах (иногда на балконах, под крышей) *шалашей* из цыновок или камыша, крытых ветвями ветлы, ольхи полу-липы, шелковицы (тутовые дерево) и клена; вообще это — праздник зелени. В этих шалашах празднующие проводят большую часть дня: по утрам молятся, угощают гостей, пьют чай и пр. Первый и последний день считаются особенно священными; работать в эти дни воспрещается; промежуточные же — полупраздники. В субботу, приходящуюся в праздник «кущей», оканчивают чтение отрывков Пятикнижия; читаемых еженедельно по субботам, в течение года; в первую же субботу после этого праздника снова начинают чтение Пятикнижия.

К каждому празднику режется скотина или птица и припасается вино; готовится в самый день праздника, за исключением суббот и «дня прощения», когда запрещается зажигать огонь. Следует вообще заметить, что наступление праздника и начало суток у субботников считается с момента захода солнца; таким образом, у них сначала идет ночь, а потом день, что составляет сутки.

Родины

Как только женщина почувствует приближение родов, тотчас посылают за бабкой (повитухой) и топят баню; бабки, как правило, очень пожилые женщины, лет 80 и выше. Им помогает специально подготовленные «акушеры» лет 60—70, которые работает по их инструкции. Почти все женщины рожают в банях, чтобы быть в это время подальше от людей и скрыть момент начало родов. При родах присутствуют, бабка, мать или свекровь; ученица «акушерка» присутствует по усмотрению бабки, другие лица безцеремонно удаляются. Никакими льготами в это время никто не пользуется. Лучшим временем для родов считается весна и осень, но наибольшее количество рождений приходится на первые два зимних месяца; 3/5 родят ночью. После разрешения, на второй или третий день, роженица переходит в дом, иногда же остается в бане на неделю. Как только разнесется по селу слух, что такая-то разрешилась от бремени, родственники и знакомые считают своей обязанностью отнести ей на «зубок», т. е. одарить роженицу разными вкусными снадобьями: блинцами, варениками, ватрушками и проч.; посетительниц при этом угощают чаем, вином, водкою и закусками. Если не предполагается, что родители будут справлять «родины» особо, то, кроме «зубка», приносят еще «на рубашку» новорожденному. Справление же родин заключается в том, что приглашают всех родственниц с «обеих сторон», т. е. невестиных и жениха, и угощают кушаньями и вином; при этом гости поют псалмы, отец объявляет, какое имя он дает новорожденному. Иногда этот семейный праздник затягивается до полуночи. Во время угощений приглашенные дарят на рубашку новорожденному (по 1 1/2—2 м. ситцу). Отец новорожденного дает бабке полтинник (т. е. пятьдесят рублей), а некоторые даже сотню.

Роженица, вследствие своей слабости, конечно, не принимает участия ни в «справлении родин», ни в «справлении завета» т. е. «гульбе» при обрезании (см. ниже). Женщина, родившая мальчика, на 40 дней изолируется не только от мужа, но и от всей семьи; если же период послеродовых очищений продолжается более этого срока, то женщина остается в положении обособленной до окончания очищения. Если же родит девочку, то время обязательной обособленности увеличивается вдвое, т. е. до 80 дней. Изоляция же заключается в следующем: во все это время женщина должна сидеть и спать на одном определенном месте; посуда, из которой она ест и пьет, у ней своя особая и ни на что потом уже не употребляется; дверь она открывает и закрывает не за общую ручку, а за *свою*, к которой никто более не прикасается; если же кто, случайно, прикоснется к роженице, или к ее вещи, или к предмету, к которому она прикасалась,— обязан омыться водою и вымыть платье и белье; также если роженица, случайно или по необходимости, прикоснется к какой-нибудь вещи, то эта вещь должна быть вымыта самым тщательным образом. Если новорожденного необходимо передать «чистому» человеку, его тоже предварительно выкупают и переменяют на нем белье и пеленки. Такая же строгая обособленность женщины соблюдается и во время регул. Менструирующие женщины и роженицы исполняют только такие работы, которые они не могут осквернить своим прикосновением, так например: мотыженье бахчей и садов, выгон скотины в стадо и т. п. Если женщина в такое время мнет лен или прядет, то все это опять-таки должно быть вымыто. По окончании менструаций, женщина купается в реке или бане, моет *свое* место, *свою* постель; если же последняя имеет свое специальное назначение — служить только в эти болезненные периоды, то обязательно прячет ее в определенном месте; *свою* посуду, металлическую и стеклянную, чистит песком, деревянная вымачивается сутки в воде; фарфоровая же, фаянсовая и глиняная, по понятиям субботников, не может быть ни вымыта, ни вычищена, ни даже выжжена, а потому, как «оскверненная», может служить только для надобностей роженицы.

Примечание: О запрещении половых сношений во время регул и послеродовых очищений (лохий), кажется, нечего и упоминать; но этого недостаточно: каждая, менструированная более 7 дней гарантирована от *primae noctis* еще на 7 дней; также и после «ложий» обязательно отсчитывается 7 дней для «очищений».

Обрезание

На восьмой день от рождения совершается обряд обрезания. Накануне этого дня, утром, отец младенца приглашает родственников и знакомых, в достаточном, по его усмотрению, числе, также кума и куму (иногда двух кумовьев и двух кумушек). В кумовья приглашается какой-нибудь приятель; если женатый, то с женою, а если нет, то с посторонней девушкой или женщиной. Когда все соберутся «наставник» или «передний» (руководитель кагала) читает молитву о том, чтобы Бог позволил «принять завет на плоти» такому-то (при этом произносится имя новорожденного); слова этой молитвы хором повторяются всеми присутствующими как мужчинами, так и женщинами. Вместе с этой молитвой обязательно прочитываются места из св. Писания: Бытия, гл. 17, ст. 10—15; гл. 21, ст. 4; Иисуса Навина, гл. 5 ст. 2—8.

Во время, чтения молитвы, новорожденный, предварительно выкупанный, находится на руках у кумы. По окончании же молитвы, кума передает младенца на руки куму. «Передний» простирает над дитятей руку для благословения, в чем ему подражают все мужчины. По окончании общего благословения, отец младенца берет его с подушки к себе на руки, и произносит свое благословение. Это благословение включает в себе пожелания счастливо принять обряд. Окончив благословение отец передает младенца на руки куму, а тот возлагает его на стол; тут кто-нибудь связывает платком ножки ребенку; тогда подходит «передний» и производит острой бритвой обрезание. По окончании операции, которая, к слову сказать, совершается быстро, оперированное место обливается крепкосолоной водой и засыпается «червоточиной» (т. е. сухим измельченным извержением древоточца); для стока крови подставляется блюдо или сковорода с золой. Когда ребенок при операции вскрикивает, то все окружающие утешают его словами: «ничего, ты теперь израиль!» (т. е. воин-муж). По окончании обряда, кум передает ребенка куме, а та относит его матери, находящейся в другой комнате или в натопленной бане. *(Кума приносит матери еще стакан с чистой водой, который, стоял на столе во время операции).*

После этого мужчины снова начинают читать молитвы, на этот раз уже благодарственные: о принятии таким-то (имя рек) «завета на плоти». По окончании молитвы, поздравляют отца, кума, друг друга и проч., и садятся за обед состоящий из различных блюд. Сначала подается студень («холодец»), разбавленный квасом и сдобренный хреном или горчицей; потом щи, лапша, вареное мясо, каша рисовая с изюмом, и т. п. В заключение стряпухи ставят на стол тарелку с кашей и накрывают ее блюдом. Отец новорожденного снимает блюдо, ставит на стол и кладет на него крупный рубль, т. е. «червонец», прося гостей «сберечь от ветра», что они и исполняют, бросая на кредитку, кто рубль, кто 3 или 5 и больше. Все, лежащее на блюде, поступает в пользу, повитухи, отсюда и самая каша носит название *бабушкиной*.

Гости принимаются есть и пить за здоровье «бабушки». Через некоторое время, являются опять стряпухи..., они подбрасывают ложками кашу в стоящие на столах блюда и опять накрывают их. Отец новорожденного вновь кладет деньги в блюдо, а гости бросают на блюдо: кто ситцу на рубашку, кто шапочку, кто чулки, а кто — деньги; на этот раз все подаренное гостями считается собственностью младенца; рубль же, положенный отцом, принадлежит

«батюшке», т. е. лицу, совершавшему моление и обряд обрезания. Каша, подкошенная стряпухами, называется *кашей младенца*. В заключении обеда подается щербет или компот из разваренных сухих плодов («чимесь* или «цимесь»). После обеда читают молитву «после принятия пищи» и поют псалмы, после чего начинается беспорядочная попойка. На переднем столе, за которым сидят более почетные гости, хозяин обязан угощать вином кумов. Прежде чем убрать грязные тарелки, ставят на стол чистые и потом уже убирают грязные; пьют же, когда подносит «подносчик», который за своим столом всем подает поочередно; при этом он должен стараться, чтобы гости как можно больше пили.

Свадьба

В Привольном выдаются замуж девушки в основном, 17—18 лет и с таким расчетом, чтобы невеста была на год или два моложе жениха, в крайнем же случае,— одних лет. Выбор невесты и жениха столько же зависит от родителей, сколько и от самой молодежи. Сближению полов содействует игрища, всегда устраиваемые в каких-нибудь отдаленных пунктах (на выгонах, в садах и т. п.), тайно от стариков, которые подобные зрелища не только не одобряют, но и прямо-таки преследуют. На них присутствуют, кроме парней и девушек, молодожены; обращение полов между собой очень вольное. Любимые игры на этих собраниях: «лапта», «круги», «горелки», «жгуты», «казаки» (напоминает «кошку и мышку») и др. При выборе жениха и невесты главнейшее внимание родителями обращается на то, чтобы это были люди равного материального достатка. Кроме того, принимаются в расчет характеры не только молодых людей, но и их родителей, отсутствие вражды между родителями и т. п. Сватами (их двое или трое) бывает кто-нибудь из родителей (иногда оба родителя) или родственников, или наконец, посторонние лица, имеющие знакомство с домом невесты; вообще для этой роли избирают лиц пожилых и «шустрых». Самое сватанье не носит определенной формы. После сделанного сватами предложения, родители невесты назначают время, когда придти за окончательным ответом; впрочем, иногда такой ответ затягивается на довольно продолжительное время, когда, например, родители невесты имеют в виду выиграть срок: выжидают лучшей партии и вместе с тем боятся упустить настоящую. Дать окончательный отказ сватам в первый же вечер (сваты, обыкновенно, ходят по вечерам) считается оскорблением сватов, что позволит себе разве какой-нибудь гордец или богач-самодур.

Идя сватать, сваты по дороге обращают внимание на каждую мелочь: если встретится кто-нибудь «с порожним» (мешком ли, ведром или лукошком), они уже уверены в неуспехе своего дела и т. п.; с встречными не здороваются, не заговаривают, а стараются, чтобы их не узнали. Если в доме невесты, во время сватанья, не перестают прясть, то это уже немой отказ, и после этого добиваться благоприятного ответа, по меньшей мере, бесполезно. Если же «дело идет на лад», то сваты, получив «руку» (согласие выражается протягиванием сватам отцом своей руки, а, за отсутствием его, матерью невесты), идут в дом жениха и делают приготовление к сговору.

Весь процесс бракосочетания состоит из следующих шести моментов: «сговор», «запой», «своды», «свадьба», «похмелье» и «отводы».

Сговор заключается во взаимном предложении и обсуждении брачных условий. Прежде всего условливаются о том, сколько невеста должна получить от жениха «кладки», т. е. денег и верхнего платья. Размер «кладки», по большей части, бывает одинаков как для бедных, так и для богатых, а именно: 1000 руб. деньгами и материи на 5—6 верхних женских одежд со всеми принадлежностями и уборами. На полученные от жениха деньги невеста обязана справиться ему несколько рубах и двое брюк (одни должны быть из более дорогой материи).

Кроме того, оговаривается также количество свадебных обедов, какая на них должна подаваться водка — «духанская» или «резная» (т. е. своего приготовления, не оплоченная акцизом). Деньги на устройство большей части этих обедов даются женихом: по 200—250 р. на каждый обед. В последнее время, по уставу кагала, делают только один обед и похмелье, вместо прежних 5—6.

Запой. Вслед за окончанием сговора, начинается «запой». В дом родителей невесты собираются ближайшие родственники и необходимое количество жениховой родни. Расставляют столы скамьи; родственники жениха накрывают столы принесенными собой продуктами и винно-водочными напитками (если было условлено подавать их). Когда начинается закусывание и попойка, отец невесты громко всем объявляет о помолвке своей дочери. Иногда с запоем соединяют и своды.

Своды. В таком случае кто-нибудь из родственников жениха «приводит» его в дом невесты со следующей церемонией: по окончании сговора, приводящий дает жениху конец платка, а за другой сам держит и таким образом буквально «вводит» жениха в дом. Остановившись посередине комнаты, жених поджидает, пока одна из родственниц невесты, держа в одной руке блюдо с платком или шарфом, а другой ведя так же, как и жениха, за платок, невесту, не подойдет и не скажет: «ну, (имя рек), подарочек прими, да и блюдо посеребри»; вслед за этим приглашением жених берет, что на блюде, и кладет на него деньги, полтинник или сотню в одной купюре потом кто-нибудь из «радателей» (посторонний) подсказывает жениху: «полученным подарком сам утрись, невесту утри, а потом поцелуй». Когда все это в точности исполнено, помолвленных заставляют взяться за концы платка, и сажают где-нибудь в уголок рядышком за особый стол, и с ними садится только молодежь. После всех этих церемоний, начинается «гульба». Выпить предлагают и помолвленным, и жених должен потчевать невесту. Тут кто-нибудь из гостей, поднимая стакан и попробовав из него, громко возглашает: «Горько!» и просит подсластить; помолвленные встают и целуются, а гости поздравляют их: жениха с «нареченной супругой», а невесту — с «нареченным супругом». По окончании закуски, продолжают пить и поют псалмы. Жених с несколькими мужчинами уходит домой; невеста провожает его до ворот. Оставшиеся гости «гуляют» до рассвета. Порядок церемонии «сводов» одинаково, независимо от того, соединяют ли их с «сговором» или устраивают отдельно. После «сводов» невеста обязана скрываться, без особенной нужды не выходить ни на улицу, ни к соседям.

После «сводов» (но никак не раньше), жених время от времени навещает невесту; с собой он приглашает кого-нибудь из родственников, постарше; сопровождающие жениха берут с собой бутылку вина, а жених — гостинец, состоящий из узелка с орехами, яблоками, гранатами и другими лакомствами. Войдя в сени, жених останавливается, а пришедшие с ним входят в избу. После этого невеста выходит встречать жениха, целует его и получает гостинец, и оба они входят в избу; жених здоровается с тестем, тещей и со всеми, кто есть в избе. Жениха и невесту сажают за стол рядом, угощают, опять слышатся возгласы «горько», пение псалмов и т. д. †

Таким образом невеста «сидит» недели 2—3; за это время она успевает с подругами изготовить все необходимое; верхнюю одежду отдают шить портнихам — специалисткам.

Вечером, под воскресенье последней перед свадьбой недели, у невесты бывает «вечеринка» — нечто в роде девичника: собирается много подруг, приходит и жених, угощаются и поют до полуночи.

На второй или на третьей недели после сговора, родители жениха режут быка и приглашают сватов условиться окончательно о дне свадьбы, при чем

угощают их мясом и вином. Следует заметить, что по понедельникам свадеб никогда не справляется, вследствие общераспространенного предрассудка о том, что это день «тяжелый».

Еще за день или за два до свадьбы у родителей жениха начинаются хлопоты и приготовления: собирают столы, скамьи, чугуны и сковороды, готовят вино, фургоны и пр. Рано утром, в день свадьбы, стряпня уже в полном разгаре. Тем временем запрягают фургон, куда садится «дружок» с двумя или тремя лицами и едут они в дом невесты «выкупать постелю», т. е. все что идет в приданое за нею (что нашили подружки). При выкупании «постели», подружки торгуются с дружком не хуже заправских цыган, требуя и на мыло — мыть невесту, и на иголки, и на ленты и пр.; но вино, стаканчик за стаканчиком, улаживает дело, и дружок, выложив рублей 25—30, забирает «постелю». Деньги эти идут в уплату подругам за шитье. Выкупив «постелю», дружок ведет жениха в заранее вытопленную баню: он там «купается», надевает белье, привезенное от невесты, одевается в лучшее платье,— словом, старается принять наиболее торжественный вид.

После закуски и общей молитвы о благополучном вступлении в законный брак, «дружок» подводит жениха под благословение к отцу, у которого в руках «хлеб с солью». Жених отвешивает перед родителем земной поклон и говорит: «Благослови меня, родной батенька, хлебом солью, Божьей милостью». Поднявшись с полу, он целует хлеб, а потом отца; последний произносит подходящую случаю цитату из библии. Тот же церемониал повторяется при обращении за благословением к матери, деду и бабке. После благословения, все снова садятся за стол, при чем подается легкая закуска. Но вот «дружок» встает из-за стола и ведет жениха к фургону: жених садится первый, вместе с «дружком», потом — «передний», все трое в заднюю часть фургона; вслед за ними — гости, преимущественно молодежь,— сколько может вместить фургон. Они берут с собой достаточное количество вина, и с пением псалмов едут к дому родителей невесты.

В то же время в доме невесты идут не менее деятельные приготовления к свадебной церемонии. Еще накануне или утром, в день свадьбы, топят баню;

невеста с подругами идет мыться; после бани, ее обряжают к венцу: надевают лучшее платье, косу заплетают, лицо притирают всякими самодельными косметиками и пр. По окончании одевания невесты, все встают и молятся о благополучном вступлении в законный брак (имя рек), о даровании ей счастливой жизни в замужестве. Как только кончают молитву, отец невесты берет хлеб и соль, и становится посреди избы. «Свашка» подводит к нему невесту и наставляет ее, что и как ей нужно делать; следуя этому, невеста кланяется в ноги отцу, испрашивая себе благословения; поднявшись, она целует хлеб, а затем отца,— словом, проделывает то же самое, что и жених. Спросив отцовское благословение, невеста бросается в объятия матери, и, в большинстве случаев, не выдерживает и разражается рыданиями и причитаньями; мать отвечает и ей тем же. Вместе с невестой и матерью плачут и родственники. После этого подходят девушки-подружки и прощаются с невестой поцелуями. Простившись с подругами, невеста садится за стол «голосить».

Начало «голошения» всегда стереотипно одно и то же: «сем-ка» (характерно, что никто из молодежи не понимает значения этого выражения) я сяду за батенькин, за дубовый стол, а за маменькину, за белую скатертку; благодарю тебя, родной батенька, за теплую квартиру, а тебя, моя родная маменька, за привет, за ласку»,— далее идет импровизация, более или менее содержательная, смотря по способностям импровизирующей. Впрочем, все эти плачи и «голошения» иногда бывают лишь пустым исполнением давно установившегося

обычая.

Ко времени приезда жениха, в доме невесты собирается много родни, преимущественно женщин. Жених со «своей стороной», водя в сени, останавливается, а «дружок» через закрытую дверь спрашивает разрешения «войти в дом»; конечно, разрешение следует немедленно, и «дружок» *вводит* жениха. Тогда кто-нибудь из родственников невесты спрашивает: «с миром-ли?», ему отвечают утвердительно. «Дружок» ведет речь далее: «у вас товар, у нас — купец; мы желали-бы купить». В ответ на это, ему указывают на сидящих за столом братьев невесты (родных или двоюродных), со словами:— «вот продавцы». «Дружок» обращается к ним с вопросом: «что продаете?» — «Сестрину косу», отвечают те, ударяя о стол толстыми палочками. «А что просите?» спрашивает «дружок».—«Позолоти да посеребри руку, тогда сестрину косу покину», отвечают те, сопровождая свои слова новым и более сильным ударом. «Дружок» начинает торговаться, «продавцы» громко стучать и не сдаются, наконец, стороны сходятся в цене. «Дружок», как бы в заключение торга, наливает стакан вина и выпивает со словами: «будем сватами», потом подает «продавцам»; те вино выпивают, а стакан прячут в карман. «Дружок», озадаченный этим, требует возвращения себе стакана: но «продавцы» без выкупа не отдают. «Дружок» жалуется присутствующим, что он полагался «на совесть». Однако, почесываясь и как бы нехотя, вынимает из кошачьей лапы 2 или 3 червонца, и получает стакан обратно. На том и кончается эта шутовская прелюдия к серьезно-торжественному обряду венчания.

Приступая к самому обряду, жениха и невесту ставят рядом, около стола (невеста с правой стороны жениха); руками они держатся за концы платка. «Передний» начинает читать по «списку», останавливаясь в указанных местах, чтобы спросить жениха и невесту: охотой ли вступают в брак; после того предлагает обменяться «перстнями».

В другом варианте «венчального списка» указана пауза во время которой жениху дают стакан вина; отпив немного, он подает невесте, которая, омочив губы, возвращает стакан жениху, и тот уже допивает его. Затем прослушивается «венчальный список» в следующем содержании:

Закон Моисеев повелевает жениться: ни на дары взирая, ни насилем похищая, ни да лукавым совращением обольстит кто-кого, но с воли и с согласия и в присутствии брачных лиц. Аминь.

Отец берет невесту за правую руку, а жених берет ее за левую и говорит:

Прими нашу дочь себе в жену, по обычаю сынов израилевых. Ты бо брат ея есть, а она сестра твоя. Милостив же Бог Наш, да благопоспешит вам во благое. Се по закону Моисееву поими дочь нашу и отведи в дом отца твоего, и будьте благословенны от Господа.

(Жених должен говорить:)

Слышите, предстоящие здесь люди! Вы есть свидетели в том, что я поемлю себе в жену от рода нашего и от братий наших дочь (имя рек).

(Потом читают предстоящие люди:)

Мы есть свидетели между вами. Да даст Господь жене твоей, поемшей(?) тобою, входящей в дом твой так же, как Лии и Рахили, женам Иакова, от которых размножился род израилев; из них сила совершилась во Ефрафи и прославилось имя их в Вифлеем. Да будет дом твой, как дом Фаресов, которого родила Фамарь Иуды! И от семени твоего даст тебе Господь от рабы сия чады.

(Потом жених читает:)

О сый, Владыко Господи, Ты сотворил еси Адама и дал еси ему помощницу Еву, утверждение, жену его. От тех родися человеческое семя. Ты рекл еси: не добро быти человеку единому: сотворим ему помощницу, подобную ему. И ныне,

Господи, не блудодеяния ради аз поемлю сестру мою сию, но по истине. Повели помиловану мне быти и с нею состаритися. Се ныне кост от костей моих и плоть от плоти моей. Сия наречется мне жена, что от мужа своего взята бысть сия. Сего ради оставит человек отца своего и матер свою и прилепится к жене своей и будут два в плоть едину.

Благословен Господь Бог Израилев и благословенно Имя Твое Святое!

Благослови, Господи, днесь обручающихся (имя рек) рабов Твоих! Еже сохранитися им во единомыслии и твердой вере, в законе Вышняго, Творца всех, Бога Вседержателя. Благословитися им в непорочном жительстве. Господь Бог наш дарует им брак честен и ложе нескверно.

Господи Боже наш! Благослови обручение сие в мире и единомыслии. Тебе Единому молимся, исповедуемся и поклоняемся. Обручается раб Божий (имя рек) раб Божией во имя Господа Бога Саваофа, ныне, во всю жизнь, на век. Аминь.

Сочетай их, Господи венчай их в плоть едину, даруй им плод чрева и узрети чада чад. Благословен Господь Бог наш, Царь вечный, создавший радость жениху и невесте! Даруй им любовь, мир, согласие и дружбу! Скоро да будет слышен глас радости жениху и невесте! (Меняются перстнями).

Ныне обручаются рабы Божии и меняются перстнями отныне и вовек.

(Жених надевает на указательный палец правой руки и говорит:)

Обручу тебе себя вовек, обручу себя в правде, в милости и в щедротах.

(Родственники невесты говорят:)

Сестра наша сия да будет в тысяче тем во Израиле и в роде пришельцев, да наследует семя ея грады супостат!

(Потом мать невесты должна говорить:)

Да поможет тебе, чадо, Бог небеси и земли и всех созданий! Чти свекров твоих: они ныне родители твои суть. Прежде нежели умрети нам, да слышим о тебе слух добрый и возрадуемся пред Господом.

Благослави их, Господи, как благославил Ты Авраама и Сарру! Благослови их, Господи, как благословил Исаака и Ревекку! Благослови их, Господи, как благословил Ты Иакова, Рахиль и Лию! Благослови их, Господи, как благословил Иосифа и Асенефу! Благослови их, Господи, как благословил Ты Моисея и Сепфору!

Окончивши венчание, «передний» отходит, а подружки сажают молодую на лавку рядом с молодым, завесив ее от него шалью; расплетают ей косу надвое, раздавая ленты подругам и девушкам-родственницам. Другие женщины тем временем поют тексты из библии. Покончив с уборкой волос, молодую покрывают той же шалью, что и раньше, и при том так, что лица ее совсем не видно; молодому же предлагают узнать свою супругу; тот открывает шаль, и целует новобрачную. После этого все направляются к выходу и садятся в фургон: в задок фургона, рядом с новобрачной, садится «свашка», а с новобрачным — «дружок»; «свашка» имеет при себе узел с «свадебным пирогом» и вареной курицей (на новом блюде, с парой ложек). Как только подъедут они к крыльцу женихова дома, отец, мать и все гости жениха выходят встречать «молодых», и вводят в избу; здесь молодые повторяют ту же церемонию, что и при спрашивании благословения, с той только разницей, что все теперь делается молча. После благословения все садятся за стол и слегка закусывают; «молодых» же вводят в заранее подготовленное помещение: в чулан, амбар и т. п., где они и остаются до вечера.

Пока в доме жениха происходят все эти обрядности, кто-нибудь из приехавших с женихом угощает вином и водкой родителей и гостей невесты. В общем гульба тождественна с подобными, уже не раз нами описанными, случаями (напр., при обрезании и др.), только народу теперь собирается больше, вина

выпивается больше, а потому и шуму больше; нередко среди охмелевших гостей затеваются драки; гуляют до рассвета. Как только начнет смеркаться, «дружок» и «свашка» отводят молодых в баню; «свашка» стелет там брачное ложе, и каждый своему «протеже» дает советы, как провести *primam noctem*. В продолжение гульбы «дружок» и «свашка» несколько раз лично наведываются, как обстоит дело у молодых. Часто они возвращаются от молодых к пирующим в таком виде: «свашка» — с пучком красных лент, (эти ленты навязываются на бутылки, стаканы и пр.), а «дружок» с красным шарфом через плечо и с горшком в руках, который он тут же, среди избы, разбивает в дребезги, и еще стреляет из ружья. Отец жениха, обыкновенно, выбирает из своей родни 15—20 молодых людей, чтобы они верхом и с ружьями конвоировали свадебный поезд, при чем джигитовали и палили из ружей. Но все это проделывается только в том случае, если новобрачная оказалась целомудренной; в противном же случае подымается страшная суматоха: требуют для освидетельствования молодой бабку, публично допрашивают молодую — «с кем она сваялась», утром не идут «похмеляться» и пр.

На рассвете «дружок» и «свашка» купают молодых и переводят в то место, где они были до вечера предыдущего дня. Если все идет хорошо, то на утро следующего дня «дружок» является, в своем оригинальном уборе и с своими подручными «похмелять» молодых. Приглашают снова вчерашних гостей. Гости подходят к молодым с поздравлением, и одаряют их лакомствами — «гостинцами», те благодарят поклонами. «Дружок» рассыпается при этом мелким бесом: подносит каждому гостю по стакану или два вина, балагурит, шутит; раздается обычное «горько» и т. д. После этого наиболее почетные гости идут осматривать ночную сорочку и простыни новобрачной, и возвратясь, снова садятся и продолжают «гулять».

Таким образом проходит «похмелье», а на следующий день, или через некоторое время, отец молодой приглашает к себе свата с его гостями, зятя и дочь на «отводы». Отводы не сопровождаются никакими особенными обрядностями, — здесь просто идет широкая гульба, только прислуживают теперь уже родственники молодой, родня же молодого — гости.

Случаи импотентности новобрачного не только в первую ночь, но и на более продолжительное время, нередки. Население приписывает это действиям «колдунов», портящих молодого или снабжающих молодую таинственным талисманом; в таком случае, по словам «сведущих людей», в платье молодой всегда можно найти 7—12 швейных иголок или булавок, закрепленных таинственным образом. Для излечения от подобных напастей и навождений обращаются к лекарям, имеющим знахарскую практику между поселянами.

Похороны

Когда видят, что человеку остается жить недолго, стараются не допустить, чтобы смерть произошла в доме, а потому выносят умирающего во двор; если погода ненастная, то его помещают в заранее приготовленную палатку; в этом прибежище умирающий и остается до своей кончины. Прежде чем вынести из дома, умирающего купают, одевают в чистое белье, предпочтительно белого цвета. В последние минуты при больном сидит кто-нибудь и читает из библии или псалтири. Как только умирающий испустит последний вздох, родственники поднимают громкий вопль, продолжающийся иногда довольно долго; приступать к похоронам не очень торопятся.

В день назначенный для похорон, собираются родственники и знакомые; если же умерший был видный человек, то приглашают еще почетных членов «кагала». Многие из гостей принимаются тотчас же за работу: одни делают гроб и носилки, другие памятник, третьи режут скотину и птиц для поминального

обеда и пр.; наиболее почетные садятся за чтение псалтири и читают вплоть до положения умершего в гроб. Гроб делается без дна: вместо него прибиваются поперек планки, которые покрываются слоем камыша. Носилки состоят из 2-х шестов, метра в полтора в длину, перевязанных кусками холста или полотенцами. Женщины тем временем шьют для умершего белый коленкорный саван и мешочек под голову, а если это мужчина, то еще порты, чулки и шапку. Обрядивши таким образом умершего, те же лица кладут его в гроб, лицом вверх, руки вдоль тела; гроб накрывают крышкой, поверх которой набивают деревянными гвоздиками кусок черного коленкора, спуская его по сторонам на столько, чтобы он совершенно закрывал гроб. Гроб несут на носилках родственники, обыкновенно 4 человека, попеременно.

Те лица, которые обряжали и клали умершего в гроб, шествуют до кладбища по сторонам гроба; непосредственно за гробом идут чтецы, и на всем пути время от времени читают псалмы; за ними — остальные провожающие; шествие замыкает медленно двигающаяся подвода, на которой везут памятник, балки, доски и пр., воду, закуску, а также — старух, больных и маленьких детей.

Могила копается в 1—1,5 м глубиной в меридиональном направлении. Принесши гроб на кладбище, его ставят над северным краем могилы и открывают, чтобы взглянуть последний раз на умершего, при этом насыпают мешочек могильной земли (сгребая землю тыльной стороной руки) и кладут под голову мертвеца; после этого гроб закрывают и спускают в могилу на длинных кусках холста (спускать на веревках считается позором и для родственников и для памяти умершего). Так, чтобы голова покойника была обращена на север. Обряжавшие умершего высвобождают холст, который у них и остается. Сверх гроба, на небольшом от него расстоянии, кладутся доски на перекладинах, образуя подобие склепа; затем могилу засыпают землей и ставят памятник; поверх образовавшегося холмика набрасывают еще срубленные ветки держидерева и приваливают их землей, для предохранения от скота. Выступают чтецы и, обратясь на юг, читают псалом 89, потом умывают руки привезенной водой, и едят хлеб с изюмом. С кладбища все идут в дом умершего на поминальный обед по окончании которого читают заупокойные молитвы и поют жалобным тоном псалмы.

Для выражения траура облакаются в скромное платье темного цвета; траур носят только по близким родственникам — в течение месяца или немного дольше.

Субботники считают покойника нечистым, поэтому на 3-й и 7-й день установлены омовения: лица, приходившие так или иначе в соприкосновение с покойником, купаются, моют свои одежды (верхние и нижние) и платье умершего. Если же смерть случилась в доме, то также дом и вся домашняя обстановка, в те же установленные сроки, подвергаются мойке и чистке.

Вот таким образом русские субботники «прощаются» с «грешным миром» и селятся в благословенный мир. В самой России и даже сейчас многие сектанты скрываются под тени «Креста» не поклонившийся ему. Так исчезают святые корни великого русского народа, прямо в открытую — на глазах их потомков. А мне даже трудно не вспомнить изречения одного русского туриста, путешествующего по Азербайджану, Туркмении и Узбекистану: «Святые места нельзя разрушать, это место последней надежды. До тех пор, пока человек будет испытывать ужас, отчаяние, горе — а это, похоже, будет всегда, пока человек живет,— у него должна быть защита в виде священного пространства. Даже в обществе будущего, которое, возможно, решит все социальные проблемы, «святое место» должно остаться как возможность свободного выбора.

село Привольное 1970—1980 годы.

Примечание

в 1837 году был издан царский Указ, позволивших сектантам- субботникам поселяться в закавказских областях. Первое время субботники селились в отдельных деревнях.

С 1848 года им было разрешено селиться и в городах Закавказья. В соответствии с указом 1837 года часть субботников, находившаяся в оппозиции к официальной православной церкви, была расселена в г. Ленкорани (Ланкон) и на территории Ленкоранского уезда.

В Ленкоранском уезде деревня Вель (старообрядцы) поселена в 1838 году, Привольное (иудействующие) - 1839 г., Пришиб и Николаевка - в 1840 г., Новоголовка (Новогольск) и Астраханка - в 1845 г., Андреевка - в 1847 г. В 1867 году образовалась деревня Православное в Ленкоранском уезде из православных переселенцев из Енотаевского уезда Астраханской губернии, из отставных солдат и малороссиян (Зейдлиц Н. /Этнографический очерк Бакинской губернии/ Кавказский календарь на 1871 г., с.47-67).

Это привело к тому, что уже к 50-м годам XIX века, согласно переписи 1857 года, на территории Ленкоранского уезда были следующие русские деревни:

1. Вель (14 дворов; 48 мужчин и 36 женщин; старообрядцы);
2. Ольховка (число русских не указывается);
3. Астраханка (67 дворов; 141 муж. и 171 женш.; молоканы);
4. Новогольск (Новоголовка) (124 дворов; 399 муж. и 431 женш.; молоканы);
5. Привольное (419 дворов; 1061 муж. и 1072 женш.; субботники);
6. Пришиб (183 дворов; 465 муж. и 435 женш.; молоканы);
7. Православное (117 дворов; 351 чел.; православные);
8. Николаевка (61 двор; 157 муж. и 168 женш.; молоканы);
9. Андреевка (125 дворов; 317 муж. и 282 женш.; молоканы);

ИТОГО: 5534 человек.

(Вестник архивиста)